

Редакционная статья / Editorial

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№11, 2021

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16.11.2015 г.

ISSN: 2713-1491

eLIBRARY ID: 57987

Издатель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»

Свидетельство Министерства юстиции Российской Федерации от 22.07.2015 г.

Учетный № 7714056109

Copyright © 2021 авторы, АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения».

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Куда приводят мечты

Внимание редакции привлекла полемика, развернувшаяся на страницах издания Международного института центральноазиатских исследований («Вестник МИЦАИ», Самарканд). Начало дискуссии было положено статьей А. О. Сопиева «Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана»¹. Эта статья вызвала живейший отклик у авторитетного специалиста по оружию центрально-азиатского региона Д. Ю. Милосердова, ответившего критическим материалом с говорящим названием «Куда приводят поиски этномаркирующих элементов»². Не разделяя полностью позицию ни одного из авторов и не приветствуя в целом полемически обостренный стиль имевшей место дискуссии, хотелось бы обратить внимание на ряд важных, как представляется, моментов.

Как следует из названия статьи А. О. Сопиева, читателям предлагалось рассмотрение традиционных технологий и художественных приёмов отделки оружия (заметим — просто «оружия») из собрания Государственного музея Туркменистана, но в последующем тексте автор через промежуточное определение «оружие, бывшее в употреблении у туркмен» и выявление неких этномаркирующих элементов достаточно неожиданно переходит к терминам «туркменское оружие» и «оружие туркмен». Видимо, именно небрежность в основных определениях и привлекла внимание Д. Ю. Милосердова: подобная непоследовательность делает формально уязвимым любое исследование независимо от обоснованности и ценности изложенных в нем соображений. К сожалению, несмотря на в целом весьма достойный ответ на стилистически острую критику оппонента, А. О. Сопиев в итоге поспешил укрыться за «глобальной проблемой, которая была и остается актуальной в отношениях меж-

¹ Сопиев А.О. Традиционные технологии и художественные приёмы отделки оружия из собрания Государственного музея Туркменистана // Вестник МИЦАИ. 2020. Вып. 29. С. 65-86. Доступно по ссылке: <https://www.unesco-iicas.org/ru/book/123>

² Милосердов Д.Ю. Куда приводят поиски этномаркирующих элементов // Вестник МИЦАИ. 2021. Вып. 31. С. 141-146. Доступно по ссылке: <https://www.unesco-iicas.org/ru/book/139>

ду «имперскими» и «местными» исследователями»³, но при этом весьма любезно предложил третьим лицам использовать произошедший обмен мнениями в качестве примера. Этой любезностью мы с благодарностью и воспользуемся.

Эксплуатация в качестве ярлыков терминологии, вытекающей из противопоставления «империя-колония» (видимо, именно это подразумевалось в предложенной оппозиции имперских и местных исследователей), без привязки к конкретным историческим обстоятельствам, в настоящее время имеет ярко выраженный провокационный характер и устраняет необходимость пытаться что-то понимать или объяснять с научной точки зрения. Сам же тезис о существовании глобальной проблемы в отношениях между «имперскими» и «местными» исследователями весьма спорен. В науке не существует других исследователей, кроме тех, кто занимается научными исследованиями, и деление их по категориям ничего кроме недоумения и чувства неловкости вызвать не может. Если автор пишет статью в рамках какой-либо иной парадигмы помимо научной, то это уже не научное исследование, а явно что-то другое. И какие могут быть «отношения» между исследователями, чье взаимодействие сводится (должно сводиться) исключительно к аргументации и контраргументации на научных площадках? Также понятие «глобальной проблемы» означает, что проблема существует для всех вовлеченных в нее сторон. Но в данной ситуации складывается устойчивое подозрение, что в этом противопоставлении двух категорий исследователей представители одной из сторон вряд ли ощущают какие-либо особые проблемы в отличие от другой стороны.

Возникшую на периферии исторического оружиеведения склонность к обобщениям, сводящимся к противопоставлению и диаметральному расположению двух позиций — имперского взгляда «свысока» и национального строительства светлого прошлого — на самом деле очень легко дезавуировать. Любое искусственное противопоставление основывается на том, что оно наделяет или обвиняет противоположную точку зрения в своих же собственных отрицательных качествах и недостатках. Пытаясь противостоять

³ Сопиев А.О. Что ответить на взгляд свысока. Там же, С. 149.

«имперской» точке зрения, излишне пристрастные авторы искусственно помещают изучаемую ими культуру в центр некоей «локальной Ойкумены» и с готовностью воспроизводят то же самое высокомерие, отрицая любое влияние извне как неприемлемую «зависимость». Хранители же имперских взглядов в своих попытках сохранить стабильность «центра» отрицают существование любых несводимых к такому центру традиций, не признавая, что исторически гораздо чаще имело место распространение и приспособление разнонаправленных культурных тенденций, чем механическое заимствование или использование отчуждённых культурных форм.

Историю можно пытаться менять, но нельзя изменить. Существование империй, провинций, колоний и клиентских государств (которыми являлись, например, Бухарское и Хивинское ханства по отношению к России) — это свершившийся исторический факт. Он может вызывать негативную реакцию и неприятие, но если речь идет об исторической науке, то этот факт нужно принять. Другой вопрос, что отношения между различными территориями независимо от их существовавшего в определенный исторический момент статуса нужно исследовать непредвзято и исключительно на научной основе. В этой связи представляется более продуктивным использовать научную методiku, чем переводить вопрос в психологическую или, тем более, политическую плоскость.

Понятие культурного империализма вряд ли также применимо в условиях Новейшего времени как в случае Нового времени. Собственно, в этом и состоит ошибка или целенаправленное намерение по «опрокидыванию» реалий современности (и, соответственно, ее проблематики) в прошлое. В отличие от политических штампов и клише, связанных с тематикой «угнетения» и «эксплуатации», в случае исторического исследования дихотомия «центр-периферия» позволяет более трезво, а главное — научно, описывать характер политического, экономического и культурного взаимодействия между центральными и периферийными районами. При этом важно, что данная модель обладает достаточной гибкостью, а главное — обладает внутренней структурой, в которой каждый «центр» будет представлен периферией по отношению к другому центру и наоборот. Это обстоятельство позволяет вос-

принимать антитезу «метрополия-колония» не столь однозначно. Тем более что зачастую именно «колония» становилась источником культурного влияния на «метрополию»: достаточно вспомнить популярные мамлюкские сабли и кавказские шашки, в значительной степени определявшие культурный облик «центров» соответствующих систем «центр-периферия».

К сожалению, исследователи материальной культуры часто попадают в ловушку собственной специализации. Материальный предмет нуждается в четком описании и не терпит неопределенности. Для актуализации в качестве объекта научного исследования он должен обладать всеми необходимыми атрибутами своего происхождения, как человек – паспортными данными. Без необходимых параметров предмет для науки как бы не существует, а конкретный исследователь, не способный определить эти параметры, оказывается в ситуации неопределённости и беспомощности. Но узкие специалисты склонны забывать, что предметы не существуют сами по себе, и материальная культура не просто является частью культуры в общем смысле, а буквально не может существовать вне ее пределов. В отличие от материальных предметов, которые в научном исследовании должны получить четкое определение и соответствующее положение на временной шкале, культуры народов и регионов не могут быть помещены в такие же жёсткие границы и рамки. В том же центрально-азиатском регионе, который входил как в тюркскую, так и иранскую сферы влияния, никогда не существовало некоей незримой границы или стены, в метре от которой, с одной ее стороны используемые материальные предметы были бы, например, «иранскими», а с другой ее стороны — сразу становились бы «туркменскими» или наоборот. Даже пресловутая «этномаркировка» не может считаться безусловным атрибуционным признаком, учитывая как мобильность населения рассматриваемого региона, так и «лоскутное одеяло» компактного проживания этнических групп. Необходимо отметить и условность использования формальной терминологии и соответствующей ей системы абстрактных типов оружия при изучении культуры таких регионов, как центрально-азиатский. Ведь как не существовало стены, разделяющей искусственно выбранные «центр» и «периферию», так никогда не существовало, например, и туркменского воина, использовавшего

для описания собственной жизни оружейведческую терминологию, согласно которой он носит за поясом именно «ханджар», а не «пешкабз» или «кард».

В связи с вышесказанным представляется более плодотворным применение иного подхода, в рамках которого исследователи могли бы обнаружить, выявить и предъявить научному сообществу особенности реально существовавшей культуры, которая всегда «центральная» и по определению не может быть региональной или периферийной для тех людей, которые ее создавали, в ней жили и ей принадлежали. В отличие от материальных предметов культура народов и регионов — живая и развивающаяся. Все, что она приняла или впитала, становится ее собственной, естественной частью. В этой связи отдельно взятые термины «туркменское оружие» или «оружие туркмен» абсолютно применимы и жизнеспособны, если их использовать осознанно, корректно и последовательно, проговаривая контекст их употребления. Если же значение терминов не прояснено, они неизбежно используются произвольно, что не может не породить соответствующих вопросов.

В целом понятна тенденция, и даже может быть объяснена кажущаяся необходимость превращения этномаркирующих элементов в национально-формирующие. Но и в этом случае следует иметь в виду, что осуществлённая исключительно на уровне материальной культуры указанная тенденция приведет к присвоению и приватизации артефактов, порожденных чужой культурой, что неминуемо вызовет критическую научную реакцию. «Этномаркировка» должна осуществляться не на предметном и вещественном уровне, а на уровне изучения и описания традиций народов и, если мы говорим об оружии, воинских традиций и воинской (всаднической) культуры. Можно долго спорить о том, бытовало ли у туркмен то или иное оружие и было ли оно собственно туркменским или нет. Но совершенно точно нельзя подвергнуть сомнению то обстоятельство, что в любом случае существовали туркменские воинские традиции и соответствующий воинский комплекс туркменского всадника, которые были вписаны в общую культуру региона, воспринимали влияния извне и оказывали влияние в свою очередь, являясь, таким образом, структурной и составной частью динамической системы «центр-периферия».